

Научная статья | Original paper

Роль контекстуальных факторов в изменении семейных отношений при высокой интенсивности неблагоприятных событий

М.А. Одинцова¹ , Н.П. Радчикова¹, Н.В. Козырева²

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

² Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Минск, Республика Беларусь
 mari505@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Современные семьи сталкиваются с возрастающим количеством неблагоприятных трудных жизненных событий (ТЖС) разной степени интенсивности. Однако способность семьи сохранить связность (эмоциональную близость, способность к совместному преодолению трудностей) в этих условиях с учетом контекстуальных факторов разного уровня изучена недостаточно.

Цель. Изучить роль контекстуальных факторов в изменении семейных отношений при высокой интенсивности неблагоприятных событий.

Гипотеза. Контекст культуры (макроконтекст); специфика и степень тяжести неблагоприятных событий (мезоконтекст); эмоциональные коммуникации в родительских семьях, копинг-стратегии (микроконтекст) по-разному влияют на отношения в семьях.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 2119 взрослых из России ($N = 1171$, 55,3%) и Беларуси ($N = 945$, 44,6%) в возрасте от 18 до 86 лет (средний возраст – $31,6 \pm 12,7$ лет), 82,1% женщин. Макроконтекст (связь с культурой) оценивался по проективной методике «Пространство дерева и света»; мезоконтекст – по типам неблагоприятных событий в семьях, степени их тяжести; микроконтекст – по методикам COPE-30 и «Семейные эмоциональные коммуникации». Динамика семейных связей (изменение отношений) оценивалась с использованием Шкалы оценки жизнеспособности семьи, где респонденты выбирали один из трех вариантов ответа, отражающих изменение связей в семьях после неблагоприятного события: «стала более близкой», «осталась прежней», «стала более дистантной».

Результаты. Большинство россиян и белорусов воспринимают свою культуру как прочную основу, которая способствует сохранению связей в семьях. Степень тяжести неблагоприятного события содействует либо укреплению, либо разрушению семейных связей. Респонденты, в родительских семьях которых присутствовала критика и элиминирование эмоций, чаще оценивали отношения в семье после неблагоприятного события как ставшие «более дистантными». Утрата является единственным типом ТЖС, который нивелирует негативное влияние семейных дисфункций. Поиск социальной поддержки и

активное совладание становятся ключевыми ресурсами для упрочения связей в семьях при столкновении с неблагоприятным событием и при негативном опыте отношений в родительской семье.

Выводы. Изменения отношений в семьях после столкновения с трудным жизненным событием зависят от сложного сочетания контекстуальных факторов (связь с культурой, тип трудного жизненного события, степень его сложности, эмоциональные коммуникации в родительской семье, способы совладания).

Ключевые слова: контекстуальные факторы, связь в семье, копинг-стратегии, семейные эмоциональные коммуникации, культура, россияне, белорусы

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://doi.org/10.48612/MSUPE/t6ep-34nb-d9nn>.

Для цитирования: Одинцова, М.А., Радчикова, Н.П., Козырева, Н.В. (2025). Роль контекстуальных факторов в изменении семейных отношений при высокой интенсивности неблагоприятных событий. *Социальная психология и общество*, 16(4), 90–108. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160406>

The role of contextual factors in family cohesion under high intensity of adverse events

M.A. Odintsova¹ , N.P. Radchikova¹, N.V. Kozyreva²

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Republic of Belarus

 mari505@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Modern families increasingly face adverse difficult life events (DLEs) of varying intensity. However, the capacity of families to maintain cohesion – defined as emotional closeness and the ability to overcome difficulties together – under such conditions, while accounting for contextual factors at different levels, remains insufficiently studied.

Objective. Examine the role of contextual factors in shaping family relationships under conditions of high-intensity adverse events.

Hypothesis. It was assumed that cultural context (macro-level), the specificity and severity of adverse events (meso-level), and emotional communication in parental families together with coping strategies (micro-level) would have differential effects on family relationships.

Methods and materials. The study involved 2119 adults from Russia ($N = 1171$; 55,3%) and Belarus ($N = 945$; 44,6%), aged 18–86 years ($M = 31,6$; $SD = 12,7$); 82,1% were women. The macro-context (connection with culture) was assessed using the projective technique “Space of Trees and Light”; the meso-context was evaluated through the types and severity of adverse family events; and the micro-context was assessed using the COPE-30 and Family Emotional Communications instruments. Family relationship dynamics were measured using the Family Resilience Assessment Scale, where respondents indicated whether ties after an adverse event had “become closer,” “remained the same,” or “become more distant”.

Results. Most respondents from Russia and Belarus perceived their culture as a solid foundation supporting the maintenance of family ties. The severity of adverse events was associated with either the strengthening or deterioration of relationships. Dysfunctional parental family patterns (criticism, emotional suppression) were linked to greater likelihood of reporting more distant family ties after an adverse event. Loss emerged as the only type of DLE that neutralized the negative impact of family dysfunctions. Active coping and the search for social support were identified as key resources for strengthening family ties when adverse events occurred, even in the context of negative parental family experiences.

Conclusions. Changes in family relationships following adverse life events depend on a complex interplay of contextual factors, including cultural affiliation, type and severity of the event, emotional communication in the parental family, and coping strategies employed.

Keywords: contextual factors, family connection, coping strategies, family emotional communication, culture, Russians, Belarusians

Supplemental data. Datasets available from <https://doi.org/10.48612/MSUPE/t6ep-34nb-d9nn>.

For citation: Odintsova, M.A., Radchikova, N.P., Kozyreva, N.V. (2025). The role of contextual factors in family cohesion under high intensity of adverse events. *Social Psychology and Society*, 16(4), 90–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160406>

Введение

В современных исследованиях семья рассматривается не только как «социальный институт», «малая группа», но и как «микрокультурная система», выступающая уникальным «семантико-символическим ресурсом» (Сапогова, Горелкина, 2021) и отображающая более широкое пространство культуры. В белорусской (Титаренко, 2022) и российской культуре (Москвичева и др., 2019; Гуриева и др., 2024) семья декларируется как самая большая ценность, с одной стороны, с другой — появляется все больше доказательств того, что современные семьи отличаются уязвимостью трех союзов: 1) союз родственников («нуклеаризация»); 2) союз родителей и детей («коньюгализация»); 3) союз супружеских («девальвация») (Антонов, 2022). Кроме того, в российской (Доброхлеб, Ефанова, 2023) и в белорусской (Титаренко, 2022)

культурах подмечено одновременное сосуществование «традиционизма» и «модернизации». Все это становится большим вызовом семейной системе в обеих странах.

По мнению А.В. Махнача, в условиях вызовов семейной системе важно изучение успешного «совладания с негативными внешними и внутренними влияниями внутри семьи и вокруг нее» (Махнач, 2024, с. 11), что позволяет «охватить ее разнообразие» (Махнач, 2024, с. 13), а это, в свою очередь, соответствует принципу контекстуальности, выделенному Н.В. Гришиной в качестве необходимости учета «контекста — от конкретной ситуации до социокультурной среды жизнедеятельности человека» (Гришина, 2022, с. 31), добавим — и семьи. Поэтому при рассмотрении семьи как «микрокультурной системы» выделим: 1) макроконтекст (связь с культурой); 2) ме-

зоконтекст (неблагоприятные события и уровень их тяжести); 3) микроконтекст (внутренний мир семьи), которые тесно взаимосвязаны.

Современные условия («макроконтекст») семьи характеризуются надломленностью «связей с культурной национальной почвой», обесцениванием культуры семейности, своеобразным «сиротством семьи» (Тюрин, 2023, с. 54). Несмотря на это, и в отечественной, и в зарубежной психологии поддерживается оптимистичный взгляд на дальнейшую судьбу семьи: проходя через противоречия, семья «постоянно воспроизводит «культуру семейности», которая служит эмоциональным и духовным «клеем», позволяющим семье дальше жить и развиваться» (Тюрин, 2024, с. 44); является носителем культурных традиций и содержит в себе некий устойчивый центр, обеспечивающий сохранение ее сущности (Bustos, Santiago, 2023). В то же время признается, что «время экзаменует на прочность и зрелость семью как часть культурного опыта» (Тюрин, 2024, с. 55).

Проверкой на прочность становятся неблагоприятные события в семьях (мезоконтекст): болезни, материальные проблемы, утраты, конфликты и т.д. При высокой интенсивности таких событий замечено их влияние на функционирование семейной системы. Так, выделены типы семей в зависимости от способов реагирования на болезнь и утрату: 1) поддерживающие, со слабым уровнем конфликтности; 2) разрешающие проблемы при умеренной их выраженности; 3) семьи, рискующие стать уязвимыми при столкновении с высоким уровнем сложности события (Eyettsemitan, 2025). Так же показано, что столкновение с безра-

ботицей или тяжелой болезнью взрослых снижает уровень их субъективного благополучия, но родительство и сплоченность семьи поддерживают его (Cohrdes et al., 2023). Множество исследований сосредоточено на конкретных неблагоприятных событиях по отдельности и их влиянии на семейные отношения: болезни, инвалидность (Котовская и др., 2024; Lei, Kantor, 2020); материальные трудности (Lee et al., 2021); самоизоляция в условиях пандемии (Бонкало и др., 2020). В этих и других работах показана роль эмоциональной близости в семье как одного из измерений ее жизнеспособности (Eyettsemitan, 2025), однако не всегда учитывается уровень тяжести таких событий.

Пожалуй, больше всего исследований сосредоточено на внутреннем мире семьи и анализе неблагоприятного детского опыта, который повышает риск возникновения неблагоприятных событий у взрослых и риск нарушений психологического развития у будущих поколений (Mersky et al., 2025). Это заметил еще В.В. Розанов: «Семья как родник роста представляет в детях и родителях буквально одно сросшееся существо. И когда оно начинает разламываться на отдельные составляющие его части, то значит самый прирост их друг к другу был уродливо-болезнен, притом с самого начала» (Розанов, 1903, с. 77). Безусловно, сами понятия «сплоченность семьи» (Olson, 1986), «связь в семье» (Bowen, 1976), «привязанность» (Bowlby, 1988) нуждаются в отдельном анализе, но тесно пересекаются и говорят об эмоциональном единстве, доверии в отношениях, способах взаимодействия в семьях (близость/отдаленность). Именно это общее мы будем учитывать в дальнейшем анализе.

Показано, что семейная связность предсказывает использование меньшего количества неадаптивных копинг-стратегий, что, в свою очередь, способствует более низкому уровню стресса у подростков (Gervais, Jose, 2024); прогнозирует субъективное благополучие, активный стиль совладания родителей детей с инвалидностью (Ma et al., 2023); помогает сохранить долгосрочный брак (Heim, Heim, 2025); передается от родителей к детям (Москвичева и др., 2019); является основой жизнеспособности семьи (Maxnach, 2016; Walsh, 2023).

Обобщающими являются: 1) интегративная модель жизнеспособности семьи (Maxnach, 2016), 2) салютогенная модель (Antonovsky, Sourani, 1988) и 3) модель семейного стресса ABC = X (Hill, 1958), которые сосредоточены на комплексе внешних и внутренних ресурсов семьи для восстановления после негативных событий и последующего развития. При этом связность/сплоченность семьи зависит от уровня сложности неблагоприятного события, его типа (A), ресурсов семьи (B), субъективных оценок уровня сложности события (C), что приводит к адаптации/дезадаптации семьи (X) (Hill, 1958), является одним из факторов ее жизнеспособности (Maxnach, 2024). Сплоченность рассматривается как способность воспринимать неблагоприятные события в качестве опыта, объяснять и предсказывать их исход, управлять ими (Antonovsky, Sourani, 1988). Сплоченность также становится фактором позитивных отношений в семьях в ситуациях неопределенности (Берсирова, 2023); повышает самооценку молодежи (N meth, Bern th, 2022); обеспечивает духовное развитие (Shek et al., 2025); способствует снижению дистресса (Cecen, Mert, 2023).

Таким образом, динамика связей в семье после неблагоприятного события зависит от комбинации многих контекстуальных факторов: макроконтекст (культура), мезоконтекст (типы стрессовых событий, уровень их тяжести) и микроконтекст (внутренние ресурсы семьи), однако исследований связности семьи как «духовного клея», устойчивого ее центра сразу в трех контекстах все еще недостаточно. Цель – анализ роли контекстуальных факторов в изменении семейных отношений при высокой интенсивности неблагоприятных событий. Предполагается, что контекст культуры (макроконтекст); типы и степень тяжести неблагоприятных событий (мезоконтекст); эмоциональные коммуникации в родительских семьях, копинг-стратегии (микроконтекст) по-разному отражаются на отношениях в семьях.

Материалы и методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие 2119 взрослых в возрасте от 18 до 86 лет (средний возраст – $31,6 \pm 12,7$ лет; медиана = 30 лет); большинство женщин ($N = 1739$, 82,1%), два человека не указали пол. Исследование включало две подвыборки – из России – РФ ($N = 1171$, 55,3%) и Беларуси – РБ ($N = 945$, 44,6%). Три респондента не указали страну проживания. Более половины респондентов с высшим образованием (51,48%). Состоят в браке 39,92%, в неофициальном браке 2,78%, в отношениях 9,82%, в разводе 11,3%, вдовы 1,27%, отсутствуют текущие партнерские отношения у 34,87%. Более половины (54,13%) не имеют детей.

Методики. Показатели мезоконтекста изучались по данным анкеты, в которой, кроме социобиографических характери-

стик, предлагалось написать об актуальном для своей семьи неблагоприятном трудном жизненном событии (далее – ТЖС) и оценить его интенсивность по 10-балльной шкале Лайкера: от 1 (минимальный балл) до 10 (максимальный балл). Микроконтекст был представлен методиками COPE-30 (Одинцова и др., 2022б) и «Семейные эмоциональные коммуникации» (Холмогорова и др., 2016). Макроконтекст изучался по проективной методике «Пространство дерева и света», отражающей связи с культурой и традициями (Одинцова и др., 2022а). Респондентам предлагалось 4 иллюстрации, на которых изображены деревья и ребенок. Нужно было выбрать ту, которая лучше всего отображала период их детства. Первая иллюстрация символизирует прочную связь с культурой и традициями, вторая – стремление к пониманию своей культуры при поддержке взрослого; третья – тревогу, противоречия в культуре и традициях, отсутствие поддержки; четвертая – отдаленность от культуры, «утрату корней».

Изменение семейных связей (отношений) после ТЖС оценивалось по шкале: «стала более близкой» (3 балла), «осталась прежней» (2 балла), «стала более дистантной» (1 балл). Данный показатель входит в Шкалу оценки жизнеспособности семьи (Гусарова и др., 2024). Респонденты выбирали один вариант, наиболее точно отражающий изменения в семейных отношениях после пережитого ими события.

Данные представлены в свободном доступе в репозитории психологических исследований и инструментов Московского государственного психолого-педагогического университета RusPsyDATA (Елина и др., 2025).

Процедура. Данные собирались онлайн, через гугл-формы методом снежного кома.

Статистический анализ. При описании результатов использовалась описательная статистика. Для сравнения групп респондентов по количественным показателям применялся *t*-критерий Стьюдента и дисперсионный анализ, по качественным – хи-квадрат Пирсона. Чтобы учесть роль всех контекстов, применялся метод построения дерева решений. Так как размер выборки был велик, не рассматривались статистически значимые эффекты небольшого размера (с величиной *d* Коэна < 0,20 и $\eta^2 < 0,02$).

Результаты

Результаты методики «Пространство дерева и света» (макроконтекст) показали (см. табл. 1), что большинство россиян и белорусов воспринимают свою культуру в качестве прочной основы (44,91% и 53,97% соответственно) либо стремятся к ее пониманию (16,77% и 13,97% соответственно). Однако почти у трети россиян (27,72%) и 22,96% белорусов наблюдаются противоречия и разрывы в культуре, а у каждого десятого (10,61% и 9,10% соответственно) – отдаленность от нее.

ТЖС (мезоконтекст) были распределены по категориям: 1) болезнь («маммин диагноз», «операция на легком»), 2) проблемы в отношениях («кризис в отношениях с мужем», «развод»), 3) утрата (смерть близких), 4) материальные проблемы (недостаток денежных средств), 5) перемены в жизни (переезды), 6) экзистенциальные проблемы («одиночество», «потеря смысла жизни»), 7) множественные трудности (два и более ТЖС одновременно: «бо-

лезнь мужа, потеря работы, смерть девушки») (см. табл. 1).

Различия между респондентами РФ и РБ статистически значимы, но размер эффекта невелик как для макроконтекста ($\chi^2 = 17,20; df = 3; p < 0,001; \eta^2 < 0,01$), так и

мезоконтекста ($\chi^2 = 80,91; df = 8; p < 0,001; \eta^2 = 0,04$). Связь с культурой и семейные проблемы россиян и белорусов схожи; россиян немного больше волнуют материальные трудности, среди них также меньше тех, кто указал на отсутствие проблем.

Таблица 1 / Table 1
Описательные статистики (число упоминаний и процент, $N / \%$) для различных отношений к культуре и типов неблагоприятных событий в семьях
Descriptive statistics (number of mentions and percentage, $N / \%$) for different cultural attitudes and types of adverse family events

Связь с культурой и типы неблагоприятных событий / Cultural connection and types of adverse events	Вся выборка / All sample	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Беларусь / Republic of Belarus
Макроконтекст: культура и традиции / Macro-context: culture and traditions			
Прочная основа и защита / Solid foundation and protection	1037 / 48,98	525 / 44,91	510 / 53,97
Стремление к пониманию культуры / Striving for cultural understanding	328 / 15,49	196 / 16,77	132 / 13,97
Разрывы и противоречия в культуре / Gaps and contradictions in culture	542 / 25,60	324 / 27,72	217 / 22,96
Отдаленность от культуры / Remoteness from culture	210 / 9,92	124 / 10,61	86 / 9,10
Мезоконтекст: неблагоприятные события различных типов / Meso-context: adverse events of different types			
Болезнь / Disease	247 / 11,66	165 / 14,09	80 / 8,47
Проблемы в отношениях / Relationship problems	528 / 24,92	269 / 22,97	259 / 27,41
Смерть / утрата / Death / Loss	657 / 31,00	340 / 29,04	317 / 33,54
Материальные проблемы / Financial problems	202 / 9,53	146 / 12,47	56 / 5,93
Перемены в жизни / Changes in life	154 / 7,27	96 / 8,20	58 / 6,14
Экзистенциальные проблемы / Existential issues	38 / 1,79	16 / 1,37	22 / 2,33
Множественные трудности / Multiple problems	110 / 5,19	71 / 6,06	38 / 4,02
Не хочу говорить / No reply	16 / 0,76	8 / 0,68	8 / 0,85
Нет / No problems	167 / 7,88	60 / 5,12	107 / 11,32

Примечание: суммарное число респондентов в Российской Федерации и Республике Беларусь не совпадает с общим числом, так как три человека не указали страну проживания.

Note: the total number of respondents in the Russian Federation and the Republic of Belarus does not match the total number, since three people did not indicate their country of residence.

Из дальнейшего анализа были исключены респонденты, указавшие в качестве ТЖС проблемы в отношениях, способствующие большему дистанцированию в семьях. Исключение таких событий из общего анализа позволит избежать искусственного перекоса в сторону влияния проблем в отношениях на разрушение семейных связей, что не исказит информацию о других типах ТЖС. При этом под динамикой семейных отношений после ТЖС в данном исследовании понимается субъективная оценка респондентами изменений в качестве и интенсивности эмоционального взаимодействия между членами семьи, произошедших вследствие пережитого неблагоприятного события.

Сравнение групп респондентов, отметивших разную динамику семейных отношений после ТЖС («стала более близкой», «осталась прежней», «стала более дистантной») в зависимости от тяжести ТЖС, показало, что в обеих странах груз события обуславливает укрепление или разрушение связей внутри семьи нелинейно: события, оцениваемые респондентами выше 8 баллов, приводят либо к укреплению отношений в семье, либо к их разрушению. При этом события средней интенсивности практически ничего не меняют в семейных отношениях ($F(2,898) = 17,21; p = 0,001; \eta^2 = 0,04$ для российской и $F(2,683) = 43,96; p = 0,001; \eta^2 = 0,11$ для белорусской выборок). Средние оценки интенсивности ТЖС в группах с разной степенью сохранности семейных отношений («близкая» ср. знач. = 8,13, $N = 620$; «прежняя» ср. знач. = 6,78, $N = 678$; «дистантная» ср. знач. = 8,33, $N = 292$) для объединенной выборки России и Беларусь различают-

ся ($F(2,1587) = 59,35; p = 0,001; \eta^2 = 0,07$). Различий в оценках интенсивности между теми, у кого семейные отношения стали более близкими, и теми, у кого они стали более дистантными, нет (апостериорный критерий Тьюки, $p = 0,74$). Группа с семейными отношениями, оставшимися прежними, существенно ниже оценивает тяжесть ТЖС ($p < 0,001$ в обоих случаях).

Так как нас интересовал вопрос, какие факторы из разных контекстов (макро-, микро- и мезо-) могут способствовать укреплению семейных отношений в условиях очень тяжелого жизненного события (более 8 баллов по 10-балльной шкале), далее рассматривались две контрастные группы: группа, в которой отношения стали более близкими ($N = 620$), и группа, в которой отношения стали более дистантными ($N = 292$). Сначала проводились сравнения групп по всем показателям отдельно для выборок России и Беларусь, и только те различия, которые были статистически значимыми и в одной, и в другой выборке, имели величину эффекта d Коэна $\geq 0,20$ и $\eta^2 \geq 0,02$, принимались во внимание. Затем для избежания излишней детализации анализ проводился для объединенной выборки (РБ и РФ).

Анализ показал, что культура (макроконтекст) имеет некоторое значение для сохранения семейных отношений ($\chi^2 = 25,24; df = 3; p < 0,001$; d Коэна = 0,34). Так, те респонденты, которые чувствуют прочную связь с культурой, чаще сохраняют и близкие отношения в семье после ТЖС (табл. 2). Респонденты, которые дистанцируются после ТЖС, почти в два раза чаще чувствуют отдаленность от культуры (14% vs 7% для респондентов с более близкой семейной связью после ТЖС).

Таблица 2 / Table 2

**Отношение к культуре в семьях с разной динамикой отношений
после неблагоприятных событий: число человек и процент**
**Attitudes towards culture in families with different relationship dynamics
after adverse events: number of people and percentage**

ТЖС / Adverse events	Отношения в семье после ТЖС / Family connections after the adverse events		
	Близкая / Close	Дис- тантная / Distant	Всего / Total
Прочная основа и защита / Solid foundation and protection	327	109	436
	52,83%	37,33%	
Стремление к пониманию культуры и традиций / Striving for cultural understanding	93	45	138
	15,02%	15,41%	
Разрывы и противоречия в культуре и традициях / Gaps and contradictions in culture	153	95	248
	24,72%	32,53%	
Отдаленность от традиций и культуры / Remoteness from culture	46	43	89
	7,43%	14,47%	
Всего / Total	619	292	911

Примечание / Note: ТЖС – трудные жизненные события / difficult life events.

Сравнения по характеристикам микроконтекста показали, что те, кто оценил отношения в семье после ТЖС как более близкие, чаще прибегают к использованию инструментальной социальной поддержки ($t(905) = 5,2, p < 0,001, d = 0,37$), активному совладанию ($t(905) = 5,1, p < 0,001, d = 0,37$), использованию эмоциональной социальной поддержки ($t(905) = 5,3, p < 0,001, d = 0,38$), подавлению конкурирующей деятельности ($t(905) = 3,5, p < 0,001, d = 0,25$). Респонденты, оценившие отношения в семьях после ТЖС как более дистантные, выше оценили критичность ($t(910) = 6,6, p < 0,001, d = 0,47$), элими-

нирование эмоций ($t(910) = 8,8, p < 0,001, d = 0,37$) и общий уровень семейных дисфункций ($t(910) = 5,4, p < 0,001, d = 0,38$) в родительских семьях.

Сравнение по характеристикам мезоконтекста (тип ТЖС) показало, что утрата (смерть близких) чаще приводит к усилению семейных связей, тогда как болезнь, перемены в жизни и множественные трудности – к дистанцированию членов семьи друг от друга ($\chi^2 = 51,01; df = 6; p < 0,001; d$ Коэна = 0,50; см. табл. 3).

Чтобы учесть роль всех контекстов, а также количественных, качественных, в том числе социodemографических переменных (пол, страна проживания, се-

Таблица 3 / Table 3

**Неблагоприятные события в семьях с разным типом отношений после них:
 число человек и процент (N / %)**

**Types of adverse events in families with different types of communication
 after adverse events: number of people and percentage (N / %)**

ТЖС / Adverse events	Связь в семье после ТЖС / Family connections after the adverse events		
	Близкая / Close	Дистантная / Distant	Всего / Total
Болезнь / Disease	101	61	162
	17,06%	21,40%	
Смерть / утрата / Death / Loss	311	82	393
	52,53%	28,77%	
Материальные проблемы / Financial problems	71	42	113
	11,99%	14,74%	
Перемены в жизни / Changes in life	51	44	95
	8,61%	15,44%	
Множественные трудности / Multiple problems	44	38	82
	7,43%	13,33%	
Экзистенциальные проблемы / Existential issues	9	12	21
	1,52%	4,21%	
Не хочу говорить / No reply	5	6	11
	0,84%	2,11%	
Всего / Total	592	285	877

Примечание / Note: ТЖС – трудные жизненные события / difficult life events.

мейный статус, наличие и число детей), был применен метод построения дерева решений, в котором в качестве целевой группы выбрана группа респондентов, у которых семейные связи стали крепче после ТЖС. Этот метод позволяет проанализировать риски и отобрать именно те показатели, которые имеют наибольшее влияние для попадания в целевую группу. Для дерева решений получено значение $AuROC = 0,74$, что говорит о приемлемом прогнозном качестве. В 66,0% случаях правильно идентифицируется положительный результат (респондент

попадает в группу с более близкой семейной связью после ТЖС) и в 73,3% случаях правильно идентифицируется отрицательный результат (респондент попадает в группу с более дистантными семейными отношениями после ТЖС). Результаты моделирования позволяют выявить те показатели, которые наиболее тесно связаны с изменениями семейных отношений после ТЖС (см. Приложение А, рис. А).

Самым значимым показателем для включения в группу респондентов с более близкими отношениями после ТЖС

стало элиминирование эмоций в родительских семьях. Если этот показатель ниже 8 (медианное значение по всей выборке, $N = 2119$), шансы попасть в целевую группу более 80% (Приложение А, рис. А). Если в родительских семьях существовал интенсивный запрет на выражение эмоций, прежде всего — негативных, шансы укрепить связи в семье после ТЖС всего 20%. Поможет сплотить семью в этом случае использование инструментальной социальной поддержки и активное совладание. Если копинг-стратегия «Использование инструментальной социальной поддержки» применяется интенсивно (более 6 баллов, не менее медианного значения по всей выборке), как и активное совладание (более 7 баллов, не менее медианного значения по всей выборке), то шансы укрепить семейные отношения после ТЖС достигают 71%.

Самые низкие шансы (31%, Приложение А, рис. А) упрочить семейные отношения после ТЖС у тех респондентов, в родительских семьях которых часто транслировался запрет на выражение эмоций (не менее 8 баллов, медианное значение по всей выборке) и использовалась критика в адрес ребенка, когда он проявлял негативные эмоции, допускал ошибки в какой-либо деятельности (не менее 13 баллов, верхний quartиль по всей выборке). При этом человек реже использует инструментальную социальную поддержку (менее 6 баллов, медианного значения по всей выборке).

В модель попал один бинарный показатель, который характеризует такой тип ТЖС, как утрата. Утрата сплачивает семью даже при запрете на выражение эмоций в родительских семьях (элими-

нирование эмоций более 8 баллов, медианное значение по всей выборке). При этом особую значимость приобретают копинг-стратегии: «Использование инструментальной социальной поддержки» и «Активное совладание». Шансы упрочить семейные связи после утраты при применении таких стратегий достигают почти 83% (Приложение А, рис. А), что сравнимо с группой респондентов с благополучием в родительских семьях в части элиминирования эмоций (82%). Другие ТЖС такого влияния на изменение семейных отношений не оказывают.

Социо-демографические показатели (пол, возраст, образование, наличие детей и их количество) не вошли в модель, хотя для некоторых из них шансы были статистически значимыми на первом шаге деления дерева, но на последующих этапах их статистическая значимость исчезла. Из модели исчез и показатель «Страна проживания». Уже на первом шаге деления он оказался статистически незначимым, что говорит о сходстве результатов, полученных для россиян и белорусов, и правомерности использования объединенной выборки.

Обсуждение результатов

«Семья чиста — крепко и государство». Если семья как основной социальный институт нездорова, государство будет «лихорадить тысячею неопределенных заболеваний» (Розанов, 1903, с. 101). Здоровье/нездоровье современной семьи, ее жизнеспособность и связность определяются множеством контекстуальных факторов, среди которых культура как элемент макросистемы (макроконтекст), неблагоприятные жизненные события семьи и уровень их ин-

тенсивности (мезоконтекст), внутренние ресурсы семьи (микроконтекст).

Культура и традиции служат прочной основой для россиян и белорусов. Тесная связь с культурой способствует укреплению, отдаленность от нее – разрушению отношений в семьях, последнее характерно для небольшой части респондентов и соответствует подмеченной в исследованиях тенденции к сочетанию «традиционализма» и «модернизации», доминированию индивидуалистических ценностей над коллективистскими в культурах двух стран (Сапоровская, 2020; Титаренко, 2022). Тем не менее стремление к поиску духовной опоры в культуре и традициях по-прежнему свойственно для большинства россиян и белорусов.

Груз события способствует либо укреплению, либо разрушению связей внутри семьи, а события средней интенсивности почти ничего не меняют в семейных отношениях, что обусловлено субъективными оценками тяжести ТЖС. По мнению R. Hill, в предложенном им уравнении $ABC = X$ предрасположенность семьи к кризисам объясняется, прежде всего, факторами группы «C», то есть субъективными оценками уровня интенсивности ТЖС в семье. Автор считает, что даже семьи, имеющие объективно достаточные ресурсы для того, чтобы справиться с трудностями, но считающие их непреодолимыми, становятся уязвимыми к стрессу (Hill, 1958), поэтому возникает необходимость учета уровня тяжести ТЖС для семьи.

В исследованиях также показано, что атмосфера родительской семьи, особенно запрет на выражение негативных эмоций, подмена искренних реакций ритуализированными и кри-

тика негативно сказываются на семейных отношениях после неблагоприятного события (Гусарова и др., 2024), что также согласуется с полученными нами результатами. Э.Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис предупреждают, что в результате блокируется возможность обращения за поддержкой, накапливается стресс и снижается адаптивность семейной системы (Эйдемиллер, Юстицкис, 2008). Однако в данном исследовании было уточнено, что столкновение семьи с утратой как травматическим событием тем не менее сплачивает семьи даже при неблагоприятных отношениях в родительских семьях. На этот счет в научной литературе обнаружены противоречивые результаты, но показано, что сплоченность, проявление привязанности в семьях значительно смягчают симптоматику горя (Delalibera et al., 2015). Мы установили, что «использование инструментальной социальной поддержки» и «активное совладание» являются буфером для разрушения семейных отношений. В исследованиях также показано, что, например, диадический копинг (стремление оказать поддержку друг другу, совместное решение проблем и т.п.) способствует укреплению отношений в семье в условиях самоизоляции (Бонкало и др., 2020), и, наоборот, непродуктивные копинг-стратегии (отказ от активности, избегание) препятствуют выстраиванию близких отношений (Куфтяк, 2021).

При этом социо-демографические показатели (пол, возраст, образование, наличие детей и их количество, семейный статус) не оказывают влияния на динамику отношений в семьях при столкновении с высоким уровнем сложности ТЖС.

Психологическую помочь семье по развитию ее сплоченности можно выстроить в логике жизненной модели, разработанной Н.В. Гришиной (Гришина, 2022):

- когнитивный компонент (система общих для семьи убеждений, установок, субъективные оценки типа и степени интенсивности ТЖС);
- аффективный компонент (переживание значимости отношений, особенно в семьях с историей эмоциональных запретов и критики; оценки и характер совместных эмоциональных переживаний, сопровождающих ТЖС, отношение к культуре и традициям);
- поведенческий компонент (совместная активность и вовлеченность в решение проблем, поиск ресурсов).

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует сложное сочетание контекстуальных факторов, оказывающих влияние на динамику отношений в семьях россиян и белорусов в условиях высокой интенсивности неблагоприятных событий. Выводы свидетельствуют о том, что:

1. Культура является важным ресурсом и способствует сохранению отношений в семье, отчуждение от культуры повышает риск ослабления семейных связей.

2. События высокой степени тяжести приводят к полярным исходам: либо укрепляют, либо разрушают связи в семьях, а события средней интенсивности обычно не меняют характер семейных отношений. Особенно заметно сплачивает семью утрата близких, тогда как болезни, материальные трудности и множественные проблемы чаще отдаляют членов семьи друг от друга.

3. Большую роль играют внутрисемейные контекстуальные факторы: обра-

щщение за социальной поддержкой и активное совладание, которые выступают ключевыми компенсаторными механизмами, способствующими укреплению внутрисемейных отношений даже в условиях высокой интенсивности ТЖС и дисфункционального опыта, полученного в родительской семье.

Ограничения. В выборке преобладали женщины, что отражает их большую вовлеченность в подобные исследования и открывает возможности для целенаправленного изучения мужской выборки. Макроконтекст изучался с помощью проективной методики, что дало интересные результаты, которые можно дополнить стандартизованными инструментами. Требует дальнейшего изучения динамика отношений в семьях после иных ТЖС с учетом их детализации, а также включение других членов семей в исследования для поиска сильных сторон в семейных историях. Более трети выборки указали на отсутствие текущих партнерских отношений, но их предыдущий опыт отношений в рамках данного исследования не уточнялся, что может стать отдельным направлением для анализа.

Limitations. The sample was dominated by women, which reflects their greater involvement in such studies and provides an opportunity for a more targeted investigation of male participants. The macro-context was examined using a projective technique that yielded valuable results, which could be further complemented by standardized assessment tools. Future research should explore the dynamics of family relationships following other types of difficult life situations, taking into account their specific characteristics, as well as involve

other family members to identify potential strengths within family histories. More than one-third of participants reported the absence of a current partnership; however,

their previous relationship experiences were not addressed in this study, which could serve as a promising direction for future analysis.

Список источников / References

1. Антонов, А.И. (2022). *Микросоциология семьи*. М.: ИНФРА-М.
Antonov, A.I. (2022). *Microsociology of the family*. Moscow: INFRA-M.
2. Берсирова, А.К. (2023). Сплоченность как фактор позитивных отношений в семье в условиях неопределенности: представления молодых людей. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(4), 10–16. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-4-10-16>
Bersirova, A.K. Cohesion as a factor of positive family relations in conditions of uncertainty: Young people's ideas. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 6(4), 10–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-4-10-16>
3. Бонкало, Т.И., Маринова, Т.Ю., Феоктистова, С.В., Шмелёва, С.В. (2020). Диадические копинг-стратегии супружеских пар как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии. *Социальная психология и общество*, 11(3), 35–50. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>
Bonkalo, T.I., Marinova, T.Yu., Feoktistova, S.V., Shmeleva S.V. (2020). Dyadic Coping Strategies of Spouses as a Factor in Latent Dysfunctional Relationships in the Family: an Empirical Study in a Pandemic. *Social Psychology and Society*, 11(3), 35–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>
4. Гришина, Н.В. (2022). Человек в отношениях с окружающим миром: описание контекста. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 22–39. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.03>
Grishina, N.V. (2022). Man in Relations with the Environment: Context Descriptions. *Moscow University Psychology Bulletin*, 3, 22–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.03>
5. Гуриева, С.Д., Юмкина, Е.А., Васина, Е.А., Кузнецова, И.В. (2024). Ценностные ориентации в семье: социально-психологический анализ. *Социальная психология и общество*, 15(3), 38–59. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303>
Gurieva, S.D., Yumkina, E.A., Vasina, E.A., Kuznetsova, I.V. (2024). Value Orientations in a Family: a Sociopsychological Analysis. *Social Psychology and Society*, 15(3), 38–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303>
6. Гусарова, Е.С., Одинцова, М.А., Козырева, Н.В., Кузьмина, Е.И. (2024). «Шкала оценки жизнеспособности семьи FRAS-RII: новая версия». *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 21(1), 8–32. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
Gusarova, E.S., Odintsova, M.A., Kozyreva, N.V., Kuzmina, E.I. (2024). Family Resilience Assessment Scale (FRAS-RII): A New Version. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 21(1), 8–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
7. Добрехлеб, В.Г., Ефанова, О.А. (2023). Семейный потенциал как составляющая человеческого потенциала регионов России. *Народонаселение*, 26(4), 99–109. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.9>

- Dobrokhleb, V.G., Efanova, O.A. (2023). Family potential as a component of the human potential of Russian regions. *Population*, 26(4), 99–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.9>
8. Елина, В.С., Козырева, Н.В., Мусохранова, Е.Г. (2025). *Ответы семьи на вызовы современности: Набор данных*. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. Москва. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/t6ep-34nb-d9nn>
- Elina, V.S., Kozyreva, N.V., Musokhranova, E.G. (2025). *Family responses to modern challenges: Data set*. RusPsyData: Repository of psychological research and instruments. Moscow. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/t6ep-34nb-d9nn>
9. Котовская, С.В., Захарова, Н.Л., Беленкова, Л.Ю. (2024). Роль семейных взаимосвязей в формировании жизнеспособной и благополучной личности студента с инвалидностью и / или ограниченными возможностями здоровья. *Социальная психология и общество*, 15(3), 126–142. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150308>
- Kotovskaya, S.V., Zakharova, N.L., Belenkova, L.Yu. (2024). The Role of Family Relations in the Formation of a Resilient and Prosperous Personality of a Student with Disabilities. *Social Psychology and Society*, 15(3), 126–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150308>
10. Куфтяк, Е.В. (2021). Взаимосвязь привязанности и совладающего поведения у взрослых. *Консультативная психология и психотерапия*, 29(1), 28–43. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290103>
- Kuftjak, E.V. (2021). Interrelation of Attachment and Coping Behavior in Adults. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 29(1), 28–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290103>
11. Махнач, А.В. (2016). *Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма*. М.: Институт психологии РАН.
- Makhnach, A.V. (2016). *Human and family resilience: a socio-psychological paradigm*. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
12. Махнач, А.В. (2024). Тенденции исследований в психологии семьи: от неблагополучия к жизнеспособности. *Социальная психология и общество*, 15(3), 5–20. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150301>
- Makhnach, A.V. (2024). Research Trends in Family Psychology: from Disadvantage to Resilience. *Social Psychology and Society*, 15(3), 5–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150301>
13. Москвичева, Н.Л., Реан, А.А., Костромина, С.Н., Гришина, Н.В., Зиновьева, Е.В. (2019). Жизненные модели молодых людей: представления о будущей семье и модели, транслируемой родителями. *Психологическая наука и образование*, 24(3), 5–18. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240301>
- Moskvicheva, N.L., Rean, A.A., Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Zinovieva, E.V. (2019). Life Models in Young People: Ideas of Future Family and Impacts of Parental Models. *Psychological Science and Education*, 24(3), 5–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2019240301>
14. Одинцова, М.А., Лубовский, Д.В., Гусарова, Е.С., Иванова, П.А. (2022а). Проективная методика «Пространство дерева и света» как навигатор по детскому опыту отношений в родительской семье у взрослых. *Консультативная психология и психотерапия*, 30(3), 68–91. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300305>
- Odintsova, M.A., Lubovsky, D.V., Gusarova, E.S., Ivanova, P.A. (2022). The Projective Technique “Space of Trees and Light” as a Navigator of Childhood Experience of Family Relationships in Adults. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 30(3), 68–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300305>

15. Одинцова, М.А., Радчикова, Н.П., Александрова, Л.А. (2022). COPE-30: психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 4, 247–275. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.04.11>
- Odintsova, M.A., Radchikova, N.P., Aleksandrova, L.A. (2022). COPE-30: psychometric properties of the short version of the Russian language inventory for coping strategies evaluation. *Moscow University Psychology Bulletin*, 4, 247–275. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.04.11>
16. Розанов, В.В. *Семейный вопрос в России. Том 1*. СПб., 1903.
Rozanov, V.V. *The family question in Russia. Vol. 1*. St. Petersburg, 1903.
17. Сапогова, Е.Е., Горелкина, М.А. (2021). Психосемантические аспекты семейной микрокультуры. *Сибирский психологический журнал*, 80, 67–90. <https://doi.org/10.17223/17267080/80/4>
- Sapogova, E.E., Gorelkina, M.A. (2021). Psychosemantic Aspects of Family Microculture. *Siberian journal of psychology*, 80, 67–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/17267080/80/4>
18. Сапоровская, М.В. (2020). Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 26(4), 48–54. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54>
- Saporovskaya, M.V. (2020). Intergenerational conflict and psychological well-being of family. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 26(4), 48–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54>
19. Титаренко, Л.Г. (2022). Молодая белорусская семья: между государственной социальной политикой и влиянием ценностей демографического перехода. *Женщина в российском обществе*, 3, 118–130. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.8>
- Titarenko, L.G. (2022). The young Belarusian family: between the state social policy and the influence of the values of demographic transition. *Woman in Russian Society*, 3, 118–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.8>
20. Тюрин, К.А. (2023). Семья и «культура семейности»: традиция и современность. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 6(116), 53–63. [http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-53-63](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-53-63)
- Tyurin, K.A. (2023). Family and the “culture of familism”: tradition and modernity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 6(116), 53–63. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-53-63>
21. Тюрин, К.А. (2024). Культура семейности: вызовы времени. *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусства*, 1(52), 31–45. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-31-45>
- Tyurin, K.A. (2024). The culture of familiality: challenges of the time. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*, 1(52), 31–45. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-31-45>
22. Холмогорова, А.Б., Воликова, С.В., Сорокова, М.Г. (2016). Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации». *Консультативная психология и психотерапия*, 24(4), 97–125. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405>
- Kholmogorova, A.B., Volikova, S.V., Sorokova, M.G. (2016). Standardization of the test “Family Emotional Communication”. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24(4), 97–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405>

23. Эйдемиллер, Э.Г., Юстицкис, В. (2008). Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер (672).
- Eidemiller, E.G., Justickis, V. (2008). Psychology and family psychotherapy. Saint Petersburg: Piter (672).
24. Antonovsky, A., Sourani, T. (1988). Family Sense of Coherence and Family Adaptation. *Journal of Marriage and the Family*, 50(1), 79–92. <http://dx.doi.org/10.2307/352429>
25. Bustos, Y., Santiago, C.D. (2023). Effects of Familism, Parenting, and Family Cohesion on Child Internalizing Symptoms among Mexican Immigrant Families. *Journal Child and Family Studies*, 32, 243–256. <https://doi.org/10.1007/s10826-022-02423-w>
26. Bowlby, J. (1988). *A secure base: Parent-child attachment and healthy human development*. Basic Books.
27. Bowen, M. (1976). Theory in the practice of psychotherapy. In P.J. Guerin Jr. (Ed.), *Family therapy: Theory and practice* (pp. 42–90). New York: Garner Press.
28. Cecen, A.R., Mert, M.A. (2023). Sense of Coherence, Family Sense of Coherence and Psychological Distress: The Mediating Role of Self Satisfaction. *International Journal Mental Health and Addiction*. <https://doi.org/10.1007/s11469-023-01185-w>
29. Cohrdes, C., Meyrose, A.K., Ravens-Sieberer, U., Holling, H. (2023). Adolescent Family Characteristics Partially Explain Differences in Emerging Adulthood Subjective Well-Being After the Experience of Major Life Events: Results from the German KiGGS Cohort Study. *Journal Adult Development*, 30, 237–255. <https://doi.org/10.1007/s10804-022-09424-5>
30. Delalibera, M., Presa, J., Coelho, A., Barbosa, A., Franco, M.H. (2015). Family dynamics during the grieving process: a systematic literature review. *Ciencia Saude Coletiva*, 20(4), 1119–1134. <https://doi.org/10.1590/1413-81232015204.09562014>
31. Eyetsemitan, F.E. (2025). Culture, Resilience, and Coping with Loss. In: Cultural Influences in Coping with Grief. Springer, Cham, 103–117. https://doi.org/10.1007/978-3-031-86817-7_9
32. Heim, Ch., Heim, C. (2025). How Long-Term Couples Cope with Chronic Stressors and Adverse Life Course Events in Marriage: A Qualitative Study. *The American Journal of Family Therapy*, 1–23. <https://doi.org/10.1080/01926187.2025.2459688>
33. Hill, R. (1958). Generic features of families under stress. *Social Casework*, 39, 139–150. <https://doi.org/10.1177/1044389458039002-318>
34. Gervais, C., Jose, P. (2024). Relationships Between Family Connectedness and Stress-Triggering Problems Among Adolescents: Potential Mediating Role of Coping Strategies. *Research Child Adolescent Psychopathology*, 52, 237–251. <https://doi.org/10.1007/s10802-023-01122-4>
35. Eyetsemitan, F.E. (2025). Culture, Resilience, and Coping with Loss. In: Cultural Influences in Coping with Grief. Springer, Cham, 103–117. https://doi.org/10.1007/978-3-031-86817-7_9
36. Lee, J.Y., Volling, B.L., Lee, S.J. (2021). Material Hardship in Families with Low Income: Positive Effects of Coparenting on Fathers' and Mothers' Parenting and Children's Prosocial Behaviors. *Frontiers in psychology*, 12:729654. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.729654>
37. Lei, X., Kantor, J. (2020). Study on Family Cohesion and Adaptability of Caregivers of Children with ASD and Its Influencing Factors. *Social Psychology and Society*, 11(3), 70–85. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110305>
38. Ma, M., Gao, R., Wang, Q., Qi, M., Pi, Y., Wang, T. (2023). Family adaptability and cohesion and the subjective well-being of parents of children with disabilities: the mediating role of coping style and resilience. *Current Psychology*, 42, 19065–19075. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03094-y>

39. Mersky, J.P., Lee, C.P., Liu, X. (2025). Advancing the Study of Adverse Adult Experiences: A Validation Study of the Adult Experiences Survey. *Journal Family Violence*. <https://doi.org/10.1007/s10896-025-00817-0>
40. N meth, L., Bern th, L. (2022). The Mediating Role of Global and Contingent Self-Esteem in the Association Between Emerging Adults' Perceptions of Family Cohesion and Test Anxiety. *Journal Adult Development*, 29, 192–204. <https://doi.org/10.1007/s10804-022-09396-6>
41. Olson, D.H. (1986). Circumplex Model VII: validation studies and FACES III. *Fam Process*, 25(3), 337–351. <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.1986.00337.x>
42. Shek, D.T.L., Tang, Y.T., Li, X. (2025). Family Functioning and Meaning in Life among Chinese Pre-adolescents and Adolescents: A 4-wave Longitudinal Study. *Child Indicators Research*. <https://doi.org/10.1007/s12187-025-10238-6>
43. Walsh, F. (2023). Promoting Family Resilience. In: Goldstein, S., Brooks, R.B. (eds.), *Handbook of Resilience in Children*. Springer, Cham, 365–375. https://doi.org/10.1007/978-3-031-14728-9_20

Приложение / Appendix

Приложение А. Рисунок. Дерево классификации для показателя «Близкая связь в семье после трудных жизненных событий» ($N = 912$). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160406>

Appendix A. Drawing. Classification tree for the indicator *Close family connection after the adverse events* ($N = 912$). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160406>

Информация об авторах

Мария Антоновна Одинцова, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Наталья Павловна Радчикова, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Нина Вячеславовна Козырева, кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии инклюзивного образования, Институт инклюзивного образования, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (БГПУ), Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-0925>, e-mail: kozyreva_nina@tut.by

Information about the authors

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Professor, Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Head of the Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Одинцова М.А., Радчикова Н.П.,
Козырева Н.В. (2025)
Роль контекстуальных факторов в изменении...
Социальная психология и общество,
16(4), 90–108.

Odintsova M.A., Radchikova N.P., Kozyreva N.V. (2025)
The role of contextual factors in family cohesion
under high intensity of adverse events
Social Psychology and Society,
16(4), 90–108.

Nataly P. Radchikova, PhD in Psychology, Leading Researcher of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research «PsyDATA», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Nina V. Kozyreva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Inclusive Education, Institute of Inclusive Education, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-0925>, e-mail: kozyreva_nina@tut.by

Вклад авторов

Одинцова М.А. – идея исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Радчикова Н.П. – применение статистических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования, написание и оформление рукописи.

Козырева Н.В. – проведение исследования; сбор и анализ данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Maria A. Odintsova – ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Nataly P. Radchikova – application of statistical methods for data analysis; conducting the experiment; visualization of research results; writing and design of the manuscript.

Nina V. Kozyreva – conducting the experiment; data collection and analysis.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено респондентами.

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants.

Поступила в редакцию 13.05.2025

Received 2025.05.13

Поступила после рецензирования 12.09.2025

Revised 2025.09.12

Принята к публикации 05.12.2025

Accepted 2025.12.05

Опубликована 30.12.2025

Published 2025.12.30